

высшее, божественное совершенство. Но одновременно Инквизитор видит, что только малая часть людей способна быть на уровне тех требований, что выдвигает Иисус. И будучи верным учеником Иисуса и по-настоящему любя людей, он пытается скорректировать его учение, чтобы оно помогло не только сильным, но и слабым. "Знай, – обращается Инквизитор к своему пленнику в поэме Ивана, – что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которую ты благословил людей, и я готовился стать в число избранников твоих, в число могучих и сильных с жаждой "восполнить число". Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые *исправили подвиг твой*. Я ушел от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных" (14, 237).

В конце поэмы, молча выслушав Инквизитора, Христос целует его в уста, а тот отпускает Иисуса, хотя еще недавно обещал сжечь вместе с еретиками. Это означает, с одной стороны, что Инквизитор, несмотря на весь свой пафос осуждения, остается верным учеником своего Учителя и признает правоту его учения. С другой стороны, поцелуй Иисуса недвусмысленно свидетельствует о том, что он понимает Инквизитора и, возможно, даже принимает часть его правды (о том, что он пришел слишком рано). Финал поэмы в определенном смысле уравнивает позиции инквизитора и Иисуса, заставляет думать, что Инквизитор – своего рода *alter ego* Христа.

Однако, сформулировав эту мысль, которая логично вытекает из всего сказанного ранее, мы должны признать, что сталкиваемся с новым радикальным противоречием. Ведь Инквизитор, говоря о необходимости "исправить" подвиг Христа, прямо заявляет, что теперь он не с Христом, а с ним, т.е. с дьяволом, с тем "страшным и умным духом", который искушал Иисуса в пустыне. Можно ли утверждать, что Достоевский "уравнивает" Инквизитора с Христом, если сам Инквизитор отождествляет себя с дьяволом? Безусловно, при традиционном понимании Бога и дьявола невозможно.

Но в том-то и дело, что в мире романов Достоевского не только Бог обретает новую форму существования, становится иным по отношению к его пониманию в многовековой традиции исторического христианства, но точно так же преобразуется его темный двойник, дьявол. Этот персонаж также присутствует в романе и его значение – вовсе не рядовое. Обратим внимание на лаконичное суждение Ивана в начале разговора с Алешей: "Я думаю, что если дьявола не существует и, стало быть, создал его человек, то создал он его по своему образу и подобию" (14, 217). "В таком случае, равно как и Бога", – добавляет Алеша. Определенная симметрия в определениях Бога и дьявола и в их позиции по отношению к человеку обозначается и в других фрагментах. Но наиболее важное в этом смысле место романа, которое, на наш взгляд, нужно рассматривать в единстве с историей "бунта" Ивана и поэмой о Великом Инквизиторе, – это кошмар Ивана, его беседа с явившимся откуда-то чертом. Хотя эта беседа имеет явно иронический, смеховой оттенок и не выглядит столь же серьезной и важной как поэма о Великом Инквизиторе, мы настаиваем на том, что ее содержание не менее значимо для понимания философских взглядов Достоевского, чем самые известные фрагменты его сочинений. Как уже было замечено в исследовательской литературе, Достоевский часто придает нарочито ироничный, несерьезный колорит высказываемым мыслям именно потому, что это самые важные и сложные его мысли, и он боится их неверного истолкования, укрывает их с помощью игровой формы от поверхностной критики. В данном случае сокрытие подлинного смысла фрагмента особенно уместно, поскольку речь идет об *оправдании* дьявола.

Прежде всего бросается в глаза, что черт, явившийся Ивану, выглядит чрезвычайно похожим на обычного человек, он очень симпатичный, умный и, как это ни странно, *добрый*. Вот как он излагает идеал своей жизни: "Моя мечта это – воплотиться, но чтоб уж окончательно, безвозвратно, в какую-нибудь толстую семипудовую купчиху и всему поверить, во что она верит. Мой идеал – войти в церковь и поставить свечку от чистого сердца, ей-богу так" (15, 73–74). Он не может реализовать этот идеал не в силу своего нехотения, слабости или порочности, но исключительно потому, что так ему предписано неким высшим решением: "Каким-то там довременным назначением,